

1
Государственная
ордена Ленина
Библиотека
СССР
имени
В. И. Ленина

МУРЗИЛКА

№ 8 ЖУРНАЛ ЦК ВАСМ АВГУСТ
ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШИХ КЛАССОВ 1952

Весёлое путешествие

(Продолжение)

И

У станции «И краткое»
Нас встретили загадкой:

«Прочти, смекни и отгадай:
Как, с места не вставая,
Ты можешь превратить трамвай
Во многие трамваи?»

Один из нас минуты три
Подумал над разгадкой
И отвечал: — Крючок сотри
Над буквою «И краткое»!

А в это время над землёй
Промчался пчёл гудящий рой.
Летят они, как пули.
Несутся пчёлы в лес густой,
Чтоб строить новый улей.

Взлетел на клён пчелиный рой,
Повис в зелёной чаще.

А мы возьмём мешок пустой,
Поймаем рой жужжащий.

Мешок ребята отнесут
В подарок пчеловоду.
Пускай в колхозе припасут
Для нас побольше мёду.

А мы отправимся пока
К соседней букве — букве «К».

Опять летим сквозь облака,
Но надо опускаться.
Вот перед нами буква «К».
Стоит жара. Ни ветерка.
Идём к реке купаться.

К

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

Кусты на берегах крутых
Нас укрывают тенью.
А мы разделись и — бултых! —
Поплыли по теченью.

Купались долго мы в реке,
Копались в мягком иле.
Потом катались в челноке
И карасей ловили.

Среди густого камыша,
Как по лесной тропинке,
Челнок скользил, слегка шурша.
Кругом цвели кувшинки.

И вдруг мы слышим вдалеке
Как будто дробь погони.
С горы спускаются к реке
Рысцою лёгкой кони.

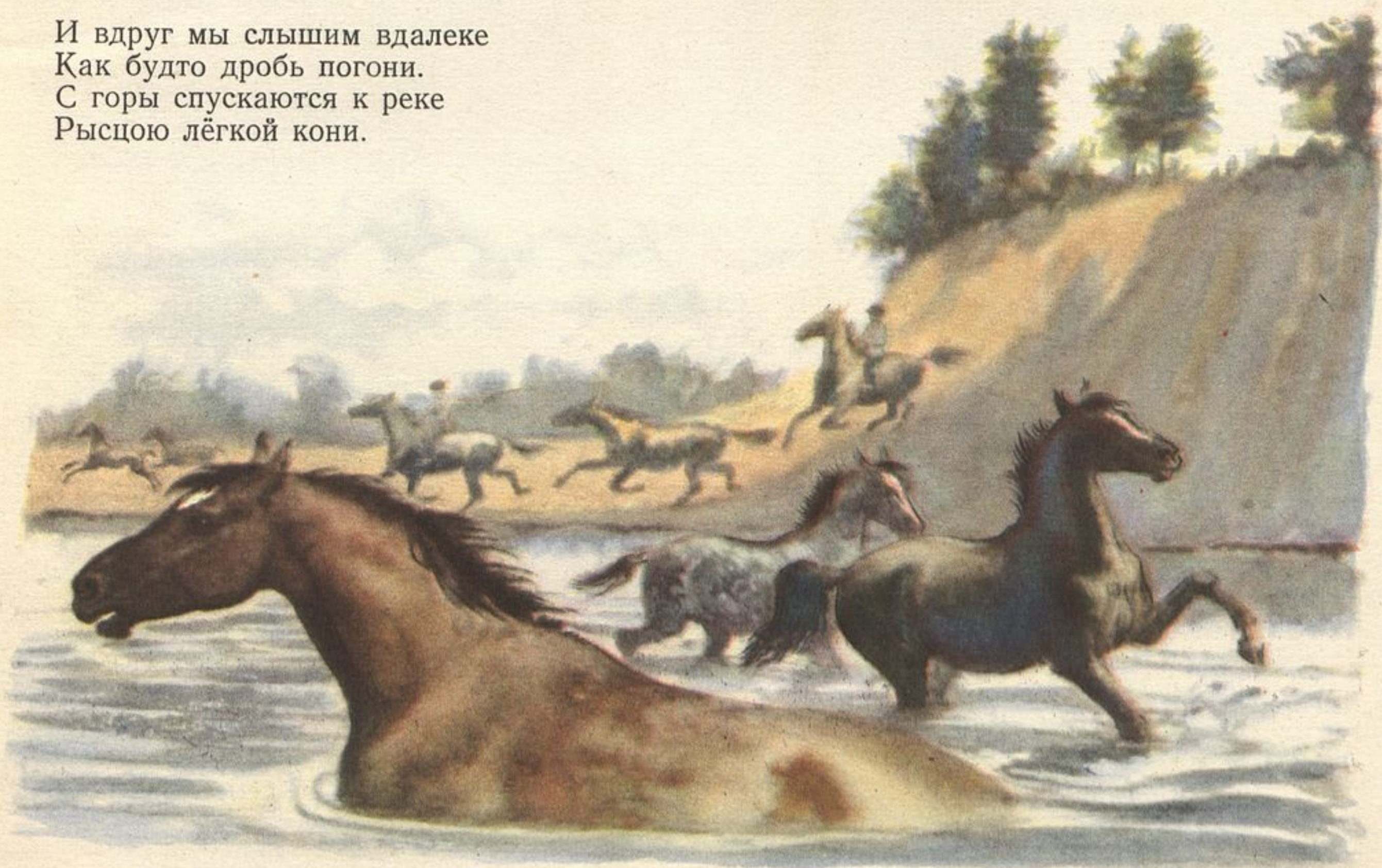
Ребята гонят жеребят
На ближний плёс купаться,
А те играют и шалят,
Куснуть друг друга норовят
И ну — в песке кататься.

Вот черногривый конь, гнедой
Погнал волну кругами,
Перебирая под водой
Проворными ногами.

Бурлит в реке водоворот,
Несётся плеск и ржанье,
Пока под ивами идёт
Весёлое купанье.

Мы постояли у реки,
Готовые к походу,
Следя за тем, как стригунки
Расплёскивают воду.

Кукушка пела нам «ку-ку»,
Но мы «прощай» сказали

Коням, кукушке, тростнику
И лодке на причале.

Опять в кабину сел пилот,
Завёл свои моторы,
И полетел наш самолёт
В небесные просторы.

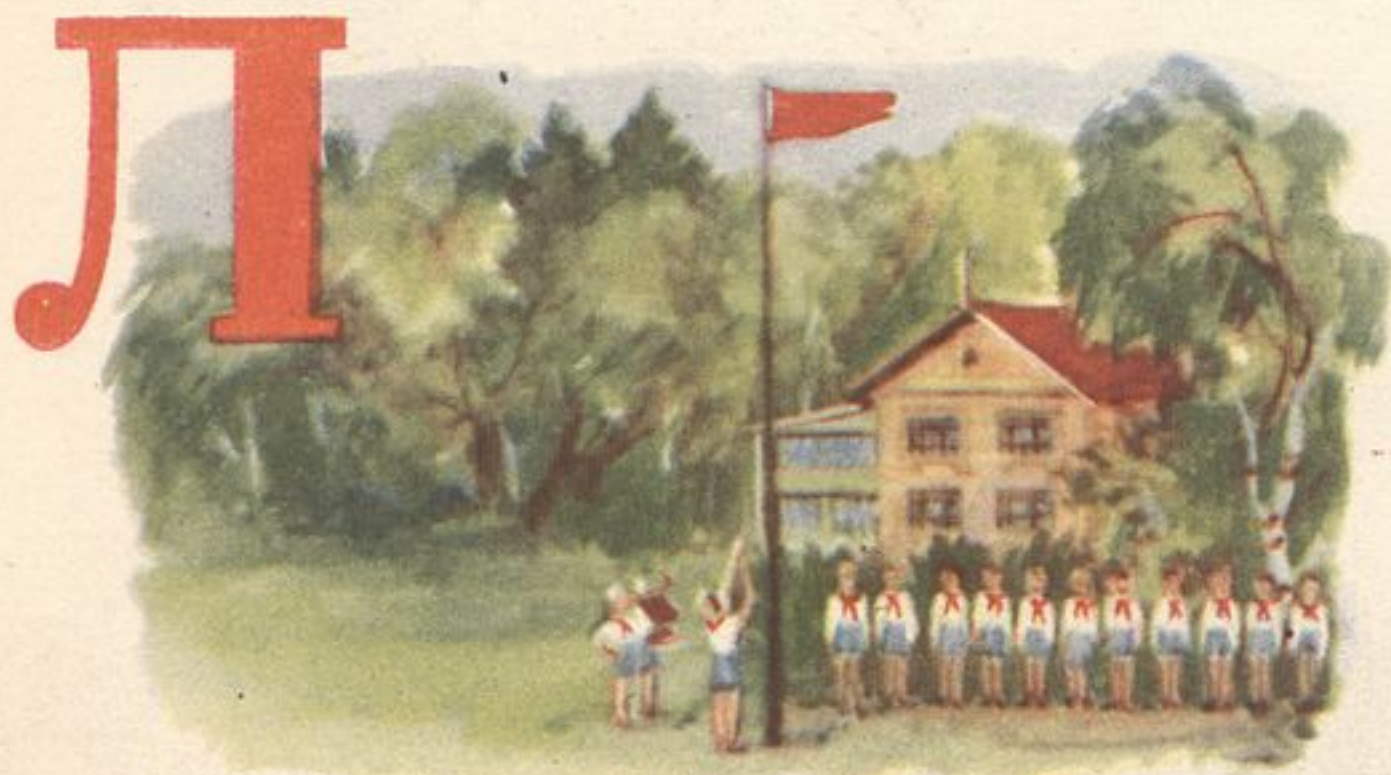
Куда ж теперь он полетел?
К ближайшей букве —
букве «Л».

То вниз, то вверх бежит перо,
Рисуя букву «М»,
Как бы спускаешься в метро
И вверх идёшь затем.

В метро на мрамор и гранит
Ложится мягкий свет.
Сама тут лестница бежит —
И всё конца ей нет.

Одна из лестниц мчится ввысь,
Другая вниз идёт.
Ты можешь сам по ним пройтись,
А хочешь — стой, не шевелись:
Ступенька доведёт!

На траве лесной поляны —
Летний лагерь полотняный.

У ребят в любой палатке
Вещи сложены в порядке.
Нет лентяев и нерях
В пионерских лагерях!

На площадке лёгкой змейкой
Алый флаг взлетает ввысь.
Это утром на линейку
Пионеры собрались.

Вместе с ними солнце встало,
Смотрит сверху на ребят,
И в лучах полоской алой
Сотни галстуков горят.

Над столовой — купол неба.
Нет над нею потолка.
На столах — буханки хлеба
И кувшины молока.

Мы попили и поели
И, сказав «спасибо» всем,
На машине полетели
К новой букве — букве «М».

С тобой мы вниз спешим сойти.
Выходим на перрон.
Подземный поезд на пути
Огнями озарён.

Пред ним зелёный светофор
Горит и говорит,
Что в длинный тёмный коридор
Составу путь открыт.

Уходят рельсы в темноту,
Теряясь вдалеке.
Стоит дежурный на посту
И держит диск в руке.

Вот сразу множество дверей
Открылось, как одна.
В вагон мы входим поскорей,
Садимся у окна.
И сразу множество дверей
Закрылось, как одна.

Мелькая, мчатся поезда
В тоннелях под Москвой.
В метро не жарко никогда,
Морозов нет зимой.

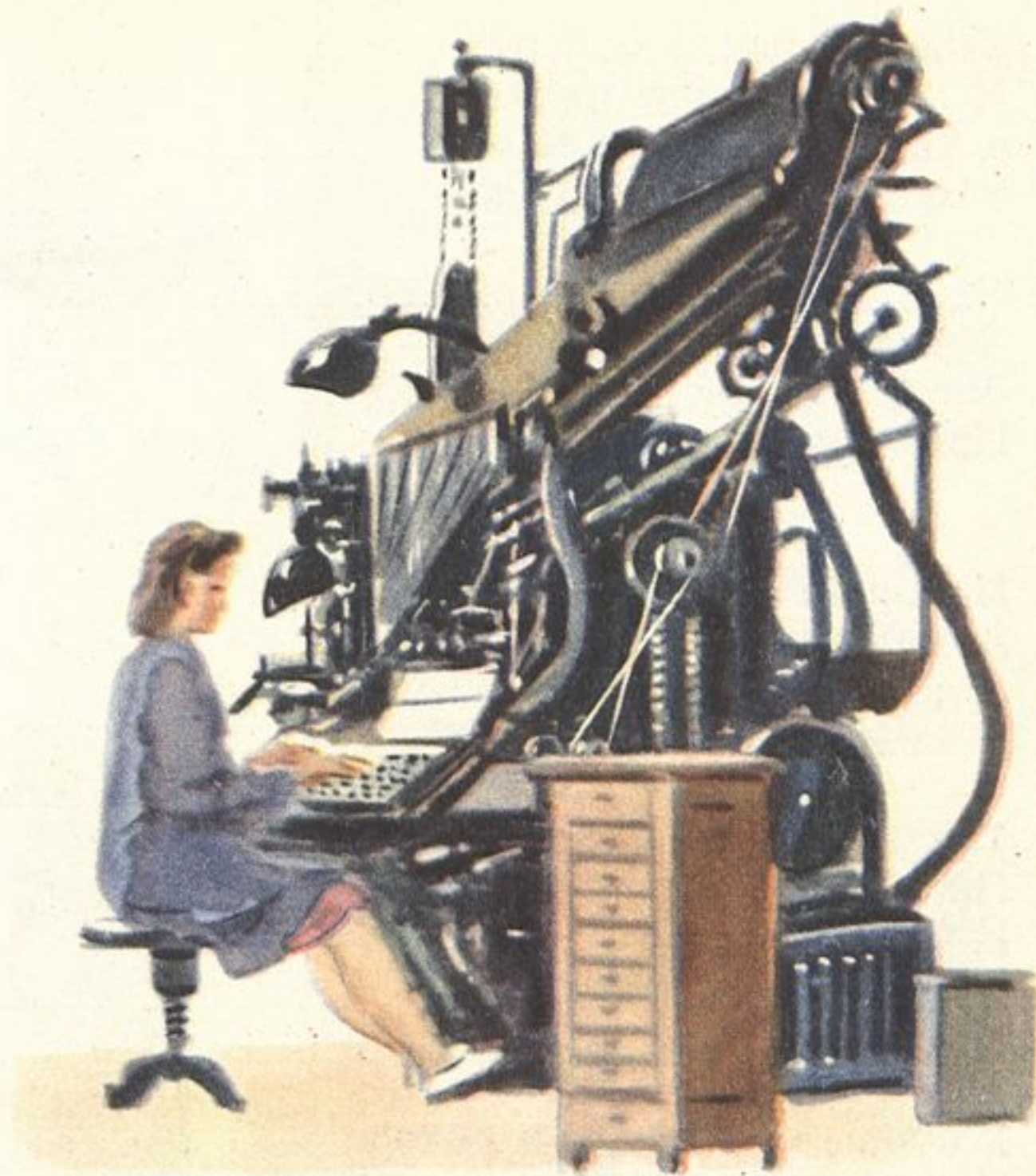
Гуляет меж бетонных стен
Бесшумный ветерок.

Но ехать дальше —
к букве «Н» —
Давно пришёл нам срок!

У буквы «Н» — наборный цех.
Готовит книжки он для всех.

Писатель написал для нас
Двенадцать басен, и рассказ,
И сказки, и загадки.

Но написал их только раз
Чернилами в тетрадке.

Нельзя же толстую тетрадь
Сто тысяч раз переписать!
Печатать надо книжки.

Рабочий — опытный народ —
Для книжки буквы наберёт
Из ящика без крышки.

Наборщик смотрит
в мастерской
В раскрытую тетрадку,
И буквы бережной рукой
Он ставит в ряд —
одну к другой —
На планочку-верстатку.

Литые буквы из свинца
В ряды он ставит ловко.
Набрал страницу до конца
И обвязал верёвкой.

Но утомителен для глаз
Наборный труд старинный.
Пускай работает за нас
Наборная машина.

О

Мы видим школьный огород.
Водой он свежей полит.
О нём заботится народ —
Окучивает, полет.

Лежат здесь окна на земле.
Блестят на солнце стёкла.
Под ними лук растёт в тепле,
Редис, морковь и свёкла.

Смотрите: свежий огурец
Бочком лежит на грядке.
Меж листьев прячется хитрец,
Играет с нами в прятки.

Вот помидоры, вот салат,
А вот укроп кудрявый.
Здесь овощей не заглушат
Разросшиеся травы.

Пойдём отсюда по тропе,
И мы дойдём до буквы «П».

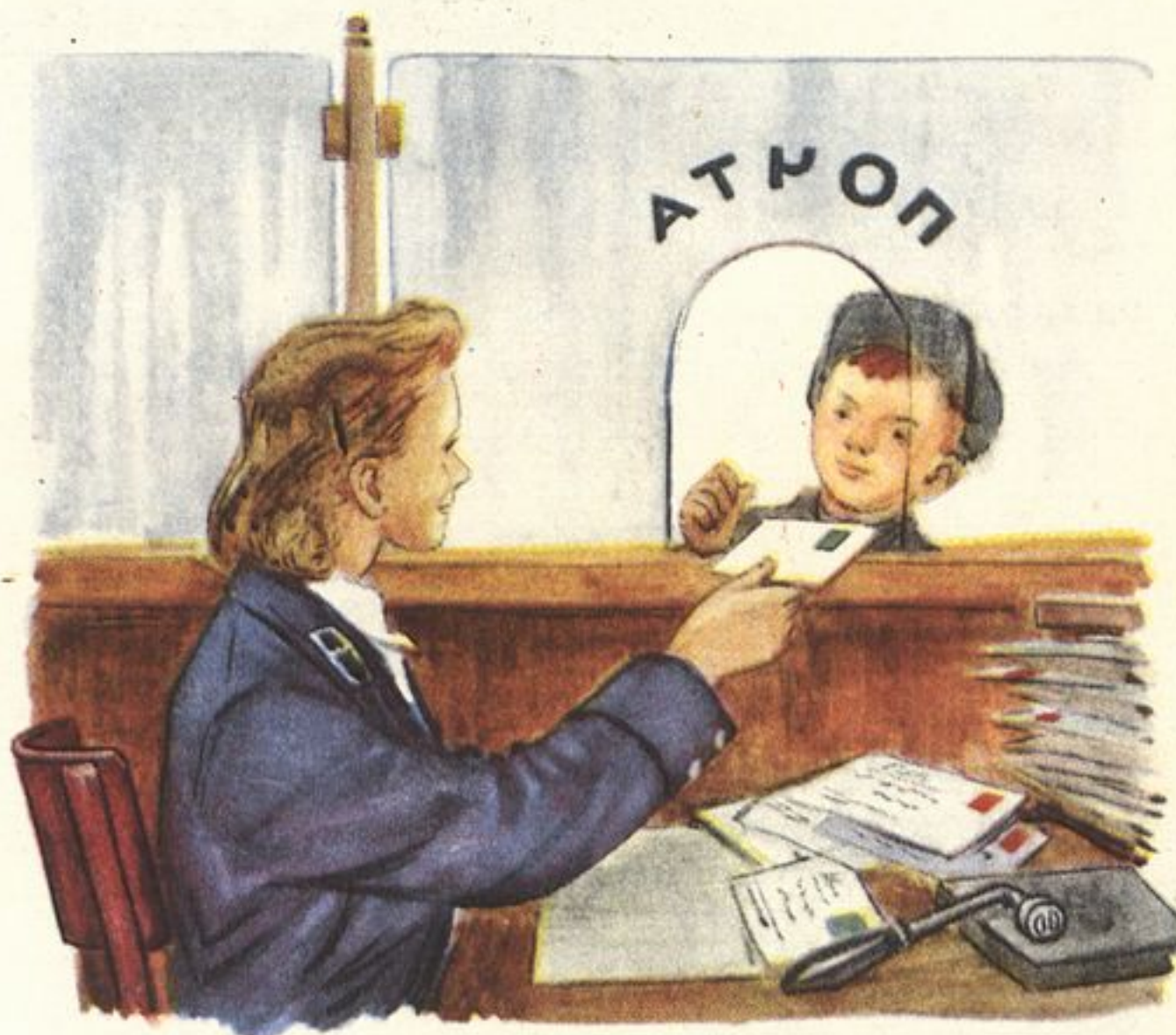
Пред нами птицы разных стран.
Здесь целый город птичий!
Вот розоватый пеликан.
Под клювом у него карман
Для пойманной добычи.

Вот ковыляющий пингвин,
Морской пловец проворный.
А рядом — золотой павлин
Раскинул хвост узорный.

Вот попугай на вас глядит,
Горбатым клювом щёлкая,
И тут же перепел сидит
С рябою перепёлкою.

У той же самой буквы «П»,
Свернув направо по тропе,
Увидите вы вот что:
Над дверью надпись — «Почта».

Сюда пришло твоё письмо,
А почтальон поставил
На нём почтовое клеймо
И тут же в путь отправил.

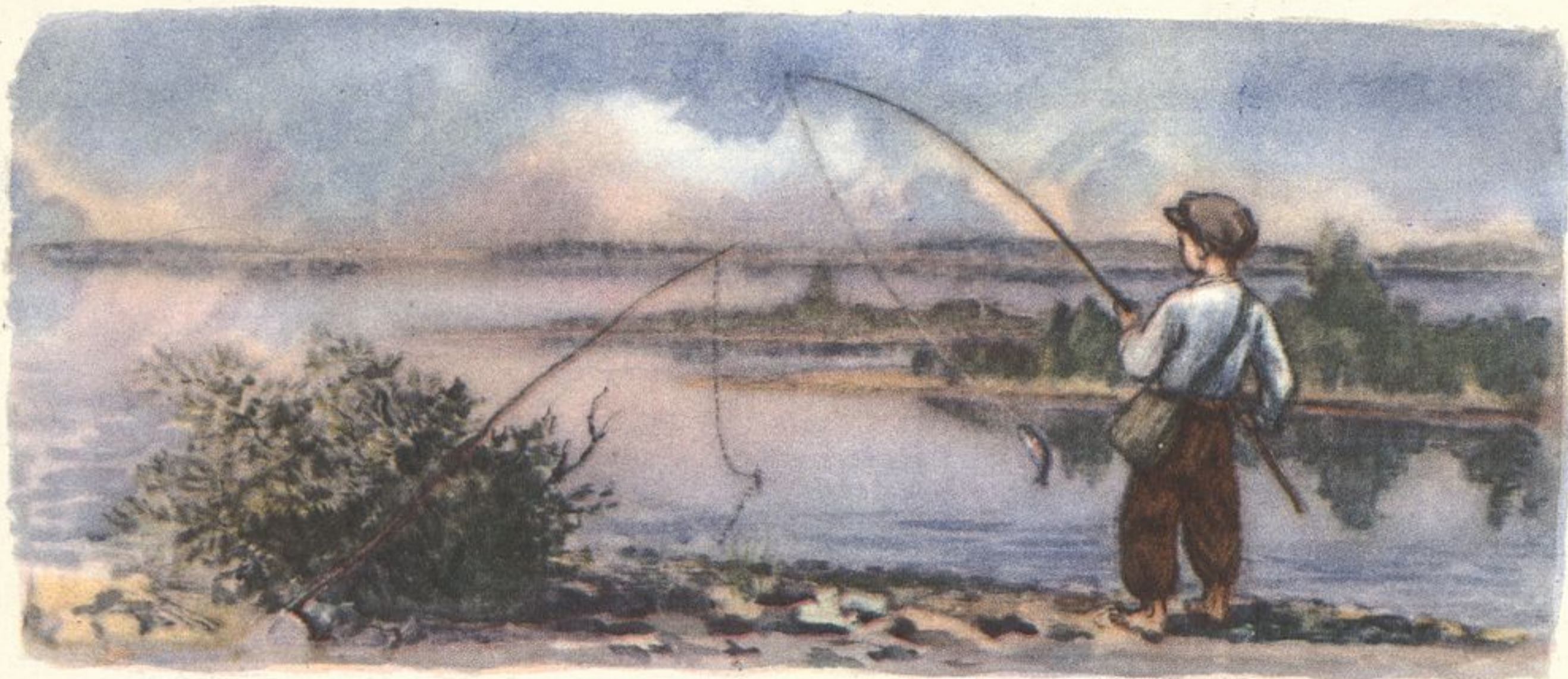
А дальше поезд, пароход
Или почтовый самолёт
Письмо по адресу повёз
В такой-то город иль колхоз.

И вот письмо доставлено
Тому, кому отправлено.

Его вручили, например,
Потапову Андрею.

А нам пора до буквы «Р»
Добраться поскорее!

(Продолжение следует)

Вит. БИАНКИ

Рис. М. КУКСА

ЕГОРКИНЫ ЗАБОТЫ

— Егорка! Егорушка! — сквозь глубокий сон дошёл до Егорки настойчивый голос матери. И ещё что-то говорила мать, но Егорка не просыпался, пока не услышал слово «рыбалка».

Тут он сразу вспомнил, что просил мать разбудить его ещё затемно, чтобы идти удить рыбу.

Не прошло и пяти минут, как Егорка вышел на крылечко, надел на шею холстяную, всю в рыбьей чешуе, торбочку, подхватил удочки и вышел на улицу.

* * *

Над озером стоял густой туман. Поёживаясь от холода и сырости, Егорка размотал удочки, насадил на крючки червяков, поплевал на них. Одну удочку он положил рядом с собой, поверх куста, а другую взял в руки и закинул подальше от берега.

Поплавки неподвижно лежали на спокойной воде. Потом вдруг поплавок той удочки, которую Егорка держал в руках, тихонько задрожал, задёргался, немножко погрузился в воду — и опять выскочил.

«Плотица клюёт», — решил Егорка.

Он подождал, пока поплавок опять задёргался, и неожиданно подсёк: резко рванул удилице кверху.

Потом он качнул удилице на себя, но в руки ему пришёл пустой крючок: рыбка сорвалась и шлёпнулась обратно в воду.

— У, бумажные губы! — рассердился Егорка.

Едва он успел насадить червяка и снова закинуть удочку, как поплавок нырнул под воду. На этот раз Егорка вытащил порядочного окунька. Потом неожиданно ушёл под воду поплавок удочки, лежавшей на кусте. Егорка поспешно схватил удочку с куста. На крючке оказался крупный полосатый окунь.

Егорке повезло: этой зарёй рыба клевала необыкновенно весело. Прошло всего с полчаса, а Егорка натаскал уже полную торбочку.

Он смотал удочки и побежал домой.

* * *

Отца Егорка не застал дома: отец был бригадиром и всегда вставал раньше всех. Старший брат, колхозный шофёр, и сестра, бригадир огородников, только ещё умыва-

лись, а мать возилась у печки. Егорка передал ей торбочку с рыбой.

Через десять минут на сковородке шипели Егоркины окуни и плотицы.

— Давеча Никанорыч-рыбак говорил, — сказала мать, садясь за стол, — ненастье будет. Как бы сено не погибло.

— Уберём, не пропадёт сено, — отозвался брат-шофёр. — Анатолий Веденеевич заходил, предупреждал.

После завтрака мать уговаривала Егорку лечь спать. Но Егорке казалось: заснёшь, а тут дождь и польёт. Как же без него, без Егорки-то?

Он сказал, что совсем не хочет спать.

— Ладно уж, — согласилась мать. — Тогда на вот снеси отцу завтрак, а я со своей бригадой прямиком пойду.

* * *

Егорка увидел отца на пароконной сенокосилке. Отец сидел на высоком сиденье и помахивал кнутом на лошадей. А сзади него две длинные стальные гребёнки: одна — неподвижная, а другая — скользящая по ней то вправо, то влево, — оставляли за собой, как машинка для стрижки головы, гряду скошенной травы.

Егорке очень хотелось сесть на место отца и покосить машиной.

— Тять! — сказал он смущённо. — Дай мне немного покосить. — Хоть один ряд. А ты пока позавтракаешь.

— Нет, на машину ты не заглядывайся. Молод ещё на таких ездить. Беги вон к матери в бригаду, она тебе даст на конных граблях поработать.

* * *

Широкие луга за Сенькиной речкой напоминали издали болото, они были сплошь в копёшках сена, как в кочках. Мать Егорки работала на конных граблях: сгребала высушенное сено в копны. Она пустила Егорку на свое место и присматривала только, чтобы он аккуратно подбирал сено. Но Егорка и так работал на совесть. Он подъезжал к началу прокоса, спускал рычагом полукружья железных граблей и пускал лошадь шагом по прокосу, поми-

нотно оглядываясь назад. Когда большие грабли набирали сено, он быстро поднимал рычаг, на лугу оставалась ещё одна копёшка, а Егорка, снова опустив рычаг, ехал дальше.

Солнце стояло уже высоко в безоблачном небе. Работать становилось всё жарче и жарче, и Егорка даже обрадовался, когда подъехал отец и стал собирать свою бригаду на обед.

* * *

Бригада расположилась обедать в тени двух берёз среди поля.

Старики уже кончили обедать, когда на дороге раздался быстрый топот копыт. Через минуту подъехал Анатолий Веденеевич. Он осадил коня около деревьев и торопливо заговорил:

— Ну-ка, товарищи, беритесь за работу! Барометр показывает «бурю». Через час-другой дождь хлынет. Я — в Заозёрье, во вторую бригаду, а тут чтоб в час управиться. Иди объяви, — сказал он отцу Егорки, — всех с работы снимаю, всем грабли

в руки дай. Или постой: нечего тебе отлучаться...

Тут взгляд председателя упал на Егорку.

— Вот Егор Бригадирыч сбегает в деревню. С огорода людей снимешь, с птицефермы. В кузне кто работает — им ска-

жешь, шофёру да и конюху, живо чтоб лошадей сюда пригнал. Всем будешь говорить: председатель велел. Ну, беги: одна нога тут, другая — там.

Через минуту место под берёзами опустело: бригада рассыпалась по полю, председатель ускакал, а Егорка мчался в гору к деревне, гордый полученным им важным поручением.

* * *

На склоне горы у самой деревни раскинулся большой колхозный огород. Заведовала им Егоркина сестра. С ней работало ещё несколько девушек. На огороде как раз поспевала вкусная, необыкновенно крупная и сладкая ягода «Виктория».

Егорка передал сестре слова председателя. Пока девушки кончали работу, Егорка успел угоститься прямо с грядок сочной «Викторией».

Когда девушки пошли в луга, Егорка побежал в кузницу.

* * *

Кузнец с двумя подручными чинил и приводил в порядок жнейку и сноповязалку. У Егорки глаза разбежались при виде этих машин. Скорей бы уж наступала уборка хлебов! Может быть, ему удастся самому поработать на какой-нибудь из них. Разглядывая машины, Егорка чуть было не забыл поручения председателя. Спohватившись, он сказал кузнецу:

— Дядя Осип, идите скорей помогать с сеном. Анатолий Веденеевич велел. Скоро буря будет.

Кузнец посмотрел на небо и сказал спокойным голосом:

— Тоже выдумал! Какая там буря! На небе ни облачка.

— Верное слово, сам Анатолий Веденеевич говорил.

— А он откуда знает?

— Он по барометру. Стрелка совсем вниз упала, «бурю» показывает.

— Вот оно что! Машинка-то, пожалуй, не соврёт. Ну-ка, ребята, — обратился кузнец к подручным, снимая с себя фартук, — кончай работу, в луга пойдём.

* * *

Около лошадей хлопотал высокий старик. Это и был колхозный конюх дед Савелий.

— Дедушка Савелий, председатель наказал всех коней в поле гнать, — быстро заговорил Егорка.

— Что так? — удивился старик. — Неужто дождя скоро ждёт?

И как раз в это время появились первые признаки приближающейся бури. Несколько маленьких белых облачков, с утра неподвижно стоявших высоко в небе, незаметно растаяли. Солнце немилосердно жгло. Воздух стал тяжёлым, в нем глохли все звуки. Замолкли кузнечики в траве. Низко над землёй пролетело несколько ла-

сточек. Куры не клевали зёрен, только тщательно смазывали свои перья жирком из копчика. Ворона, прилетевшая на скотный двор, уселась на плетень, раскрыла клюв, да так и осталась сидеть, сонно прикрыв веки.

Солнце медленно опускалось. Ясная даль затуманилась. Вдали над озером обозначилась тёмная туча. Она стала медленно расти; похоже было, что кто-то за два конца поднимает над горизонтом одеяло. Чем выше вставала туча, тем ярче, ослепительнее сверкало солнце.

* * *

Луга уже не напоминали издали кочковатого болота. Частые кочки-копёшки исчезли. Взамен них выросли большие редкие скирды-зароды.

Одна — последняя — скирда ещё не была готова. Со всех сторон работники подгоняли к ней лошадей, лошади волокли за собой копны сена. Егорка уже раньше видел, как это делается, и потому не удивился, как это копна сена сама собой едет по лугу за лошадьёю. Он знал, что под копну подкладывают жерди и обвязывают её верёвкой.

По дороге из Заозёрья промчался Анатолий Веденеевич на своём высоком рыжем коне. Он показывал на что-то рукой и отдавал приказания громким голосом. Но слов Егорка на таком расстоянии не мог разобрать.

Туча между тем уже скрыла под собой солнце. На луга набежала тень, и с каждой минутой кругом становилось всё темнее. Казалось, среди бела дня настанет ночь.

Но колхозники уже вершили последнюю скирду. Они прикрыли её сверху сеном попоше и ветками, которые принесли ребята из ближнего кустарника.

Внезапно из-под тучи рванул ветер. Оставшиеся на земле клочья сена взметнулись на воздух, но повредить плотно утопанной и прикрытой сверху скирде не мог даже этот вихрь. Пока парни слезали сверху, один из колхозников уже опахивал скирду неизвестно откуда взявшимся плугом: делал вокруг неё канавку для стока воды. Видно было, что председатель обо всём заранее подумал.

Работа была кончена, всё сено спасено.

В это время раздался негромкий сухой звук — пляцц! — и ослепительно сверкнула молния. Почти сразу же за ней ударил и раскатился оглушительный гром.

На дороге стоял грузовик, и шофёр сзывал к нему всех частыми гудками. В одну минуту в кузов грузовика залезли мужчины и женщины. Они наклонялись через борт и, схватив за руки ребят, втаскивали их к себе в кузов. Егорка забрался в кабину. Наконец шофёр дал последний гудок, и машина с шумом тронулась к деревне.

Полил дождь.

ЛЕСНЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

После обеда погода разъяснилась, и Серёжа с Митей отправились в лодке ловить рыбу.

Приплыв на свое любимое место под крутояр, мальчики закинули удочки и стали ждать поклёвки.

Не упуская из виду спокойно лежащих на воде поплавков, ребята в то же время поглядывали по сторонам на широкий, уже по-осеннему хрустально чистый простор реки.

Всё было ещё зелёное, и только вдали, на самой излучине, будто огонь костра в безветренный день, ярко краснел куст жимолости — первый вестник наступающей осени.

На правом, луговом берегу реки близость осени чувствовалась ещё сильнее. Высокая густая трава была давно уже скошена и смётана в стога. Они темнели на гладком, ровном лугу и словно манили ребят взобраться на самый верх да и скатиться с этой зелёной горки, от которой так славно пахнет горячим, но уже уходящим летом.

— Серёжа, что это плывёт? — указал вдруг Митя на тёмные точки, которые постепенно приближались к лодке.

— Наверное, листья или сучки, — ответил Серёжа.

Но, приглядевшись получше, мальчики так и замерли от изумления. По реке плыли зверьки. Они старались переплыть реку с лесного берега на луговой, но течение сбивало их и несло вниз по реке.

Зверьков было очень много. Всюду из воды высывались тёмные головки и, будто веточки, торчали намокшие длинные хвосты.

— Митя, да это белки! — тихо сказал Серёжа, когда течение поднесло некоторых зверьков поближе к лодке. — Кто же их в речку загнал?

— Верно, переселяются в другие леса, где еды побольше, — так же тихо ответил Митя. — Смотри, выплыть не может, — вдруг вскрикнул он, — сейчас утонет! И другая тоже — уже захлёбывается.

— Давай помогать. Перевезём их через речку, — мигом решил Серёжа.

— Давай!

Митя тут же взялся за вёсла и стал грести, а Серёжа, стоя на носу, ловко подхватывал подсачком плывущих белок и высаживал их в лодку.

Измокшие, обессиленные зверьки даже не пытались выскочить. Они только бежали подальше от людей на корму и там, сбившись в кучу, сидели на лавочке и на бортах.

— Мы как Мазай и зайцы! — весело крикнул Серёжа. — Высадим этих на берег, а то уж и места нет. Ишь, как сбивались! Сейчас в воду попадают.

Митя причалил лодку кормой к берегу. Белки мигом выскочили и побежали по скошенному лугу прочь от реки.

— Наверное, в те леса, — указал Серёжа на синевшие вдали вершины. — Далеко им бежать, километров десять, не меньше.

— Да, нелёгкое путешествие, — ответил Митя, и мальчики вновь начали помогать зверькам переправляться через быструю реку.

Ребята трудились до самого вечера, а зверьков в речке всё не убавлялось. Казалось, все белки, живущие в лесах на левом берегу, решили вдруг переселиться

на правый, луговой и за десятки километров искать другие леса, богатые шишками, орехами и желудями.

Только поздно вечером маленькие переселенцы, кажется, все уже закончили свою опасную переправу, и река опустела.

Мальчики облегчённо вздохнули, разминая усталые руки.

— Вот повозились здорово! Зато сколько мы их спасли, — сказал Серёжа. — А почему они знают, что в тех лесах за рекой больше еды?

над рекой, камнем упал в воду и тяжело поднялся, держа в когтях схваченного зверька.

В тот же миг ребята так закричали, что сидевшая на кусте сорока чуть не свалилась на землю и в ужасе юркнула в лес. А коршун метнулся в сторону, выронил добычу и поспешно улетел прочь.

Но зверёк, видно, все-таки пострадал от когтей хищника. Упав в воду, он снова пустился вплавь, однако плыл уже тяжело, вот-вот готовый скрыться под водою.

— Откуда же им это знать? — ответил Митя. — Так бегут, наудачу. Ну, поплывём домой. Хорошо, что теперь по течению плыть. — И он снова взялся за вёсла.

— Постой, ещё одна, — вдруг сказал Серёжа, заметив плывущую белку. — Подберём её.

Однако не успел Митя даже повернуть лодку, как большой коршун, кружившийся

— Не успеем, утонет, — задыхаясь от волнения, шептал Серёжа.

Он стоял на носу лодки с сачком в руках, готовый, кажется, сам броситься в воду на помощь зверьку.

Митя, стиснув зубы, грёб изо всех сил.

— Скорее, скорее, — повторял Серёжа, — опоздаем.

И когда ребята были уже в двух шагах,

последние силы оставили зверька, и он, отчаянно зашлёпав лапками, исчез под водой.

Серёжа сачком выхватил белку из воды.

— Вот она! Поймал! Живая! — радостно закричал он.

Митя бросил вёсла и мигом повернулся к товарищу.

Мальчики бережно вынули измокшего, совсем ослабевшего зверька. Серёжа снял с себя куртку, постелил её на корму и положил спасённую белку.

Белочка очень скоро оправилась от неудачного купания. Она привстала, отряхнулась, потом уселась поудобнее на курточку и начала передними лапками отжимать воду со своей вымокшей шкурки и с длинного слипшегося хвоста. Белка

отряхивалась и приводила себя в порядок, вовсе не обращая внимания на ребят.

— Повезём-ка её домой, — сказал Митя, — а то ведь она здорово измучилась, да и от других белок отстала. Где она их теперь найдёт?

— Ну что ж! — согласился Серёжа.

И ребята поплыли домой.

Начало быстро темнеть. Над водой закрурился туман. А вверху, над головами ребят, уже зажигались звёзды.

Было уже совсем темно, когда мальчики приплыли в деревню.

Дома они посадили белку в клетку. За ночь она совсем отдохнула. А наутро ребята отнесли зверька в заречный лес и выпустили на волю.

СОЛНЫШКО

ИЛЬЯ ДАРЕНСКИЙ

Спозаранку солнышко
Над землёй взошло.
Сразу стало празднично,
Весело, светло.

Мы на речку — солнышко
Плещется в реке,
В лес пошли мы — солнышко
С нами в сосняке.

Ты гуляешь, солнышко,
В ясной синеве,
Ты родному Сталину
Поклонись в Москве.

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

Рис. Е. РАЧЁВА

СЛУЧАЙ НА ЗИМОВКЕ

Стоял среди снега бревенчатый дом,
И жили три друга-полярника в нём.
Ещё собачонка в том доме жила,
Она озорной собачонкой была.

Случилось, что как-то полярной весной,
В воскресный и солнечный день выходной,

Собрался один из друзей погулять —
На лыжах пройтись, из ружья пострелять.

Охотник с собой собачонку не взял.
— Ты жди меня дома! — он ей приказал.
Но вот, несмотря на такой разговор,
Шмыгнула за ним собачонка во двор...

Медведица в снежной берлоге жила.
В тот день и она на охоту пошла.
Её медвежонок, единственный сын,
Остался в берлоге без мамы — один.
Не стал он в берлоге медведицу ждать,
Решил он без спросу пойти погулять!
Осыпанный чистым полярным снежком,
Шажком и вприпрыжку и снова шажком
Спешил медвежонок — и встретился вдруг
С невиданным зверем!.. Ты враг или друг?

Была собачонка совсем не страшна,
Играть, а не драться хотела она.
Был маленький мишка пушист и смешон,
Нашёл в собачонке товарища он!

И вот уж они обнялись, как друзья.
Схватились, упали. Кусаться нельзя!

Они и сопят, и рычат, и визжат,
То лягут, то вскочат, то снова лежат...

Но тут у зимовки сидящие псы
Все сразу на шум повернули носы.
Подумали псы и решили: «Пора!» —
И бросились с лаем они со двора.

Всё ближе собаки, всё громче их лай.
— Прощай, медвежонок!
— Собачка, прощай!

Что делать? До дому бежать далеко.
Устал медвежонок. Спасть не легко!
Собаки поймать медвежонка хотят!
Собаки сейчас медвежонка съедят!

И вдруг на пути медвежонка — скала!
Тут нечего думать, была не была!
Успел на скалу медвежонок залезть —
Хотя бы на время убежище есть!
Дрожит медвежонок, боится упасть,
В открытые пасти к собакам попасть.

Охотник в то время дорогой прямой
С охоты к себе возвращался домой.
Вдруг слышит, что лают собаки вдали —
Какого-то зверя, как видно, нашли!

Ускорил охотник на лыжах свой бег.
На помощь медведю пришёл человек!
Он лыжной палкой собак отогнал,
Достал аппарат и спасённого снял!
Полярник хорошим фотографом был,
И редкие снимки он очень любил!

Ребята! Полярники этот рассказ
Из жизни зверей рассказали для вас.
Кто старших не слушает, с теми всегда
Может случиться любая беда.

БАБУШКА И ВНУЧКА

1

Лида очень любит бабушку, а бабушка любит Лиду. Они привыкли друг к другу. Это понятно. Ведь папа с мамой уходят на целый день на работу, а дома с Лидой остаётся кто?

Конечно, бабушка!

Она её и в лагерь собирала. Сшила из парусины большой походный мешок и надписала чернильным карандашом:

«НОВИКОВА ЛИДА «2А»

Потом стала в него складывать всё что полагается: носочки, чулочки, платочки, сорочки... А Лида стояла рядом и твердила:

— Бабушка, поедem со мной, поедem...

— Нет уж, внученька! Поезжай без меня. А я к тебе приеду, проведу, гостинчик тебе привезу...

2

На другой день бабушка повела Лиду на школьный двор. Там уже собралось много ребят. Кого привела мама, кого — папа, кого — тоже бабушка. По двору носилась высокая загорелая вожатая Зина. Она командовала:

— Справки от врача — сюда! Вещи — туда... Строиться — здесь!

Её голос был слышен во всех уголках

двора. Наконец кругом закричали: «Едут! едут!» И во двор завернули три огромных жёлто-красных автобуса.

— По машинам! — скомандовала Зина.

— По коням! — подхватили ребята и стали рассаживаться.

Лида поднялась на автобусную ступеньку и спросила:

— Тётя Зина, а можно, со мной бабушка поедет?

— Куда?

— В лагерь.

— Что ты, девочка! — сказала Зина. — Сейчас никак нельзя... Вот в родительский день, пожалуйста...

— А когда ж он будет, родительский-то? — спросила бабушка.

— Скоро. Недельки через две.

— Ох ты, как долго! — огорчилась бабушка. — Ведь ребёнок, поди, соскучится.

— Не соскучится. Садись, девочка, садись.

Лида отпустила бабушкину руку, забралась в машину и сразу же высунулась в окно. Все пионеры теснились у окон. А снаружи стояли родители и смотрели каждый на своего ребёнка. Но вот половинки дверей сами собой закрылись, автобусы загудели, пыхнули голубыми дымками и тронулись. Ребята изо всех сил замахали руками, и родители толпой пошли за машинами, крича:

— Саша, босиком там не бегай!

— Петя, ешь получше, проси добавки, не стесняйся!

— Женечка, конфеты там, под майкой, где мыло.

Бабушка стояла на месте и махала платочком. Уже и автобусов не видно было, а бабушка всё махала и махала своим пёстрым платочком. Потом она повернулась и пошла домой.

3

Дома она первым делом убрала комнату, потом стала стряпать обед. Когда всё было готово, она села, сложила морщинистые руки на коленях и задумалась.

Как тихо дома без Лидочки, как пусто!.. Бабушка с трудом дождалась вечера. Вечером, когда пришли Лидочкины папа с мамой, она решительно сказала:

— Вы как хотите, а я в воскресенье поеду провожаю Лидочку.

— Что так скоро? — удивился папа. — Дай ты им пообжиться хоть немного.

— Вот я и погляжу, как они там обживаются.

В воскресенье бабушка встала рано, пошла на рынок, купила душистой клубники в берестяном туеске и отправилась на вокзал. Она села в поезд и поехала на станцию «Одуванчики» — в лагерь. В вагоне она рассказывала соседям:

— Внучку еду проводить... В лагерь мы её определили.

— А давно она у вас там?

— Да не так чтобы... Третий день. Однако соскучилась я по ней. И она, чую, скучает.

Скоро проводник объявил:

— «Одуванчики»!

Поезд остановился, и бабушка, осторожно держа

в руке берестяной туесок, вышла из вагона. Ярко блестели под солнцем половицы перрона. Мохнатые сосны и белые в крапинках берёзы подошли вплотную к станции, словно хотели разглядеть, кто приехал. Бабушка спросила у сторожа:

— Где лагерь?

Он объяснил:

— Пойдёшь лесочком, а там полем, а там тропочкой, а там по-вдоль заборчика и аккуратно выйдешь к лагерю.

Бабушка пошла лесочком, потом полем, потом тропочкой, потом вдоль забора и увидела высокую новенькую мачту, решётчатые ворота и приветливую надпись: «Добро пожаловать!»

«Хорошо встречают», — обрадовалась бабушка. Она переложила туесок из руки в руку и толкнула ворота. Они были закрыты. Тогда бабушка стала стучать — сначала кулаком, а потом и каблуком. Стучала, стучала, и вот, наконец, к воротам подо-

шла девушка в синих спортивных брюках, и бабушка узнала в ней вожатую Зину.

— Здравствуй, дочка! — поклонилась ей бабушка. — Мне бы внуку свою проводить, Новикову Лиду, из второго «А».

— Знаю я вашу Лиду, — ответила Зина. — Она жива, здорова, в полном порядке.

— Мне бы поглядеть на неё, — сказала бабушка. — Хоть одним глазком.

— Ведь вы только позавчера виделись, — сказала Зина.

— Соскучилась я по ней. И она, знаю, соскучилась. Пропусти, дочка. Сделай милость.

— Нет, — сказала Зина, — не могу. Ведь мы их к порядку приучаем, к дисциплине... В родительский день вот пожалуйте.

Сколько бабушка ни уговаривала Зину, ничего не выходило.

— Ну, ладно, — вздохнула бабушка, — быть по сему.

Она повернулась и пошла, только не к станции, а вдоль забора. Она много лет прожила на белом свете и знала немало хитростей.

4

Бабушка шла вдоль забора и щупала доски — ни одной не пропустила. Наконец она нашла то, что искала: одна доска держалась на верхнем гвозде и раскачивалась. Бабушка толкнула её, доска отошла, и получилась лазейка. Бабушке не пролезть, но Лидочка отлично пролезет!

Бабушка терпеливо ждала у лазейки. Вдали на площадке ребята играли в волейбол. Бабушке были хорошо слышны их весёлые голоса. И вот она дождалась. Мяч упал неподалёку от забора и покатился по траве. За ним бежала маленькая толстенькая девочка и кричала:

— Аут, аут!

Бабушка окликнула её:

— Девочка, поди-ка сюда!

— Ой, кто это? — испугалась девочка.

— Девочка, не бойся, это я, бабушка Лиды Новиковой. Знаешь такую?

— Ох, как вы меня напугали! — Девочка нагнулась за мячом. — Конечно, знаю, ведь она наша звеньевая.

— Вот и хорошо, — торопливо загово-

рила бабушка. — Пойди, девочка, позови её. Скажи: бабушка к ней приехала.

— А разве можно сегодня? — спросила девочка, прижимая к себе мяч.

— Ничего, девочка, мы потихоньку. Позови, умница.

— А разве можно потихоньку? — спросила девочка, во все свои синие глаза глядя на бабушку.

— Ничего, мы недолго. Пойди, на вот тебе ягодку.

— Ой, что вы, не надо! — смутилась девочка. — Сейчас!

Держа мяч за верёвочный хвостик, она вприпрыжку побежала на площадку. Через минуту бабушка увидела Лидочку. В белой майке и хорошо знакомых бабушке белых носочках с красной каёмкой, она бежала напрямик по траве к забору. Бабушка издали улыбалась ей и шептала: «Ну куда ты! Тихонько! Упадёшь...»

Лидочка подбежала, просунула голову в лазейку и вскрикнула:

— Бабушка?! Приехала?!

— Приехала, приехала, — закивала бабушка седой головой. — Не пускает меня ваша вожатая. Пойдем, внученька, в лес, посидим.

Лидочка схватила бабушку за руку.

— Бабушка, ой, что ты!.. Я прямо не знаю... Ведь сегодня нельзя.

— Ничего, а мы незаметно. Пойдём.

— Что ты, бабушка! Ведь у нас дисциплина, бабушка, тем более я звеньевая. Нельзя, бабушка.

Бабушка растерянно смотрела на Лиду.

— Ну ладно, внученька, — сказала она, — тогда хоть гостинчик возьми.

— Не надо, бабушка, спасибо. А то скажут: «Ей привезли, а другим не привезли». Ты уж лучше в родительский день с первым поездом...

Лидочка поцеловала бабушку в морщинистую щёку и побежала к себе на площадку. А бабушка тихонько опустила доску и побрела на станцию.

В вагоне она теперь уже ни с кем не разговаривала. Она сидела и думала про Лиду. Бабушка не обиделась на внуку. В глубине души она даже гордилась ею.

Она успокоилась, достала берестяной туесок и принялась угощаться чуть намокшей, душистой клубникой.

Вечер на лесном озере

БЫЧОК И КОЗЛЁНОК

МОНГОЛЬСКАЯ СКАЗКА

У молодого бычка был хороший друг — козлёнок. Оба они ходили вместе со стадом пастуха Доржа и ели траву.

А потом пришла зима. Выпало много снега. И старый Дорж сказал своему самому большому быку:

— Что же будем делать? Сена-то ведь у нас совсем мало, а? Разве только для бычка и козлёнка на зиму хватит. Как ты думаешь, бык?

— Ммм-хо! — ответил бык.

— Ну вот видишь, — сказал Дорж. — Пойдём-ка мы со всем стадом искать, где стаду прокормиться. А козлёнок с бычком маленькие и тощие. Не дойдут они в такую даль. Оставим-ка их здесь, около сена.

— Оххх! — вздохнул бык.

— Сам знаю, что ох, да что же 'поделаешь?

И ушёл Дорж со старым быком и со всем стадом.

Поглядели им вслед бычок и козлёнок, помотали головами и принялись сено есть. День едят, другой едят, вдруг увидел козлёнок — волк идёт. Брюхо подтянуто, зубы щёлкают, глаза на козлёнка и бычка косятся. «Что это за звери такие? — думает волк. — Нельзя ли их взять да съесть?»

Тут козлёнок как закричит бычку:

— Ну-ка, Санго-батор, бери, неси сюда волчью ногу!

А бычок сразу понял хитрость козлёнка и отвечает, будто огорчился:

— Но, господин, нога-то эта последняя! Съедем её — что завтра на обед останется?

— Бери, бери! — кричит козлёнок. — Не видишь, наш обед сам на четырёх ногах идёт. Убьём этого волка — вот и обед у нас завтра будет! Вот и обе-ед тогда будет!

Услыхал это волк, да как пустится бежать прочь — только снежная пыль поднялась. Мчался, мчался, лишь к вечеру дух перевёл. А тут и лиса ему навстречу.

— Почтенный волк, куда это вы спешите?

Волк оглянулся по сторонам и отвечает:

— Насилу убежал! Два зверя там. Опасные. Съесть меня хотели.

— Где?

— На старом стойбище. За горами. Хуже тигров!

— На стойбище? — захлопотала вокруг него лиса. — Почтеннейший волк, они вас обманули. Только подумать: такого почтенного волка обманули козлёнок и бычок. Это совсем не опасные звери. Их можно съесть. Пойдёмте обратно, вы их будете есть, а если мне оставите, то и я около вас покушаю.

— Не пойду. Хуже тигров! Доедают последнюю волчью ногу. Меня увидели — обрадовались. Еле убежал!

Тут лиса опять заюлила вокруг волка:

— Это только-только бычок и козлёнок. У них даже клыков нет. Поверьте мне!.. Ведь вы мне верите?.. А не верите, давайте

связаемся верёвочкой: один конец верёвочки за вашу шею, другой конец — за мою. Если будет опасность, то вместе пропадём!

Уговорила лиса волка. Связались они верёвочкой и пошли вместе.

А козлёнок и бычок уже спать легли. Проснулся козлёнок, смотрит — лиса и волк идут, уже совсем близко. Тогда козлёнок отряхнулся и закричал:

— Негодная лисица! Твой отец мне должен пять жирных волков. Твой брат должен мне четырёх, тоже жирных. Сама ты должна мне трёх жирных волков. Кого ты хочешь обмануть, — притащила на верёвке только одного, да и то тощего!

Как пустится волк бежать — снежная пыль столбом поднялась. Лисица не успевает за ним ногами перебирать. А козлёнок кинулся вдогонку, но поскользнулся и упал.

— Ох, несчастье! — закричал вслед волку козлёнок. — Несчастье какое —

упал я, а то бы пообедал сейчас, волка бы съел да лисицу впридачу!

Вернулся назад, и стали они с бычком сено жевать.

А волк ещё сильнее бежать припустился. Лиса не смогла поспеть за ним, упала, а петля ей шею перетянула. Тогда лиса и язык с натуги высунула и зубы оскалила от боли.

Только за горой волк обернулся да как зарычит:

— Ах ты, изменница! Ты ещё смеяться будешь? Ты ещё язык показывать?

И загрыз волк лису.

А козлёнок и бычок к весне съели всё сено, а весной и Дорж со стадом вернулся. Бык увидел: козлёнок и бычок весёлые стали, толстые.

И сказал:

— Мм-да. Мм-уммм-ные ммалыши!

И стали все снова жить вместе.

Записал и обработал Павел Кравченко

На обложке рисунок Ю. Васнецова „Теремок“

Редколлегия: З. АЛЕКСАНДРОВА, А. БАРТО, Л. ВИНОВИЦКАЯ (редактор), Л. ВОРОНКОВА, А. ЕРМОЛАЕВ, Н. ЕМЕЛЬЯНОВА, В. ЛЕБЕДЕВ, С. МАРШАК, Е. МАРТЬЯНОВА, Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Художественный редактор О. Камкин

Рукописи не возвращаются

Технич. редактор Л. Волкова

Год издания двадцать восьмой

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Суцёвская ул., 21.
2,8 уч.-изд. л.

Тел. Д 1-15-00, доб. 1-06.
Бумага 60×92¹/₂—1,5 бум. л.—3 печ. л.

A05128

Подписано к печати 27/VI 1952 г.

Тираж 250 000 экз.

Заказ 1355

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, Суцёвская, 21.

Высотное здание. Рисунок Мудрова Павла.

Пионерский костер. Рисунок Волка Алеши.